

К 556
12

КРО

ЦЕНА КОМЕРА 30 КОП.

№ 10

МОСКВА, АПРЕЛЬ

КОДИЛ

ИЗД-ВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

1933

Рис. Л. Бродаты
(тема В. Кулагина)

ЛОДЫРЬ: — Ну, нашему колхозу семена дали, тракторы дали... Вот если б еще рабочую силу прислали!..

Рис. А. Тепикова (тема А. Глушкова)

— Милай! Хоть ты и партийный, а лучше всякого беспартийного, ей богу!

БДИТЕЛЬНОСТЬ

Начиналась весна. Светило солнышко. Чирикали птички.

К председателю колхоза „Красная заря“ пришел гражданин умильного вида и благообразного облика. Истово сморкнувшись в красный платок, гражданин произнес:

— К вашей милости!.. Имею желание в колхозе потрудиться. Колхоз огромный у вас, работы — край непочатый!..

— А вы кто ж будете? По какой части? — ласково спросил председатель.

— А мы, примерно сказать, на все руки. Вообще же, конечно, из кулаков. Из бывших, конечно. Теперь же, конечно, раскулаченные по причине ликвидации как класса.

— Так, так, — приветливо сказал председатель. — А я вас сразу и не признал: изменились вы здорово!

— Еще был тут изменишься!.. — ухмыльнулся гражданин.

— Ну, очень приятно!.. Значит, вы теперь за колхозы? Желаете, значит, заглазить свое прошлое и, так сказать, принести посильную пользу социалистическому строительству?

Гражданин всплеснул руками и сказал:

— Вот дурак!.. Ой и дурак!.. — Это кто же, например, дурак? — удивился председатель. — Это уж не я ли, например, дурак?

— Точно так, ваша милость, — почтительно подтвердил гражданин. — Ты подумай, еловая головушка, на почве коллективизации нас ликвидируют как класс, а я за колхоз буду стоять? От социализма, как навеки-вечные гробовая крышка, а я помочь ему буду?.. Глянь-ка в землю: вот чичас вращать в него начну, корешки уж пуцаю!.. Ой, дубинушка стоеросовая!.. Иднет! Председатель нахмурился и заявил:

— Выразаться не полагается. А, между прочим, что ж ты можешь

делать в колхозе при такой неизжитой идеологии?

— А что хошь, — сказал гражданин. — Можно к машинам меня приставить!..

— Справишься?

— Дите малое справится. В кое место песочку всыпать, в коем месте гаечку отвинтить, — вот и всех делов.

— Это зачем же?

— А на предмет поломки. Пустьят машинушку в ход, — ан, не тут-то было: стоп, машинушка! Еще раз пустьят, — ан, машинушка и развалилась. Что смеху будет!..

— Что ты, какой же тут смех! — возмутился председатель. Ошалел ты? На пушечный выстрел нельзя тебя подпускать к машинам!

— Ну-к что ж, не надать, — покорно согласился гражданин. — Я ведь не гордый. Не хочешь к лошадушкам, приставь к лошадушкам.

— А ты уход за ними знаешь?

— Пушечное дело. Не кормить их только — и всего. Глядь, к рабочей-то поро они и на ногах не будут стоять! Уморюшка!.. Все окрестные кулаки животики надорвут от смеху!.. Ну, а не хочешь к лошадушкам, к любой работе приспособь. Мне, главное, к колхозникам стать поближе.

— Для чего бы? — спросил председатель.

— Для обработки, — ответил гражданин. — С умом ежели подойти, то многих можно отбить от дела. „Воззрите, скажу, на птицы небесные, еже не сеют, не жнут“!..

Но председатель не дал гражданину договорить. Председатель встал и сказал:

— Ступай, брат, ступай, не прогневайся! Классового врага и вредителя я в колхоз не пущу!

— Не возьмешь?

— Нет.

— Удивление!.. — пробормотал гражданин. — До чего дошло начальство пошло: наскрозь человека видит!..

И ушел.

А председатель бодро, жизнерадостно усмехнулся и подумал:

„Молодчина я, проявил бдительность. Нет, брат, меня на кривой не об'едешь!“

* * *

Разумеется, ничего подобного не было. Разумеется, ничего подобного и быть не могло. Разумеется, ничего подобного и не может быть.

Оттого-то и трудно!..

Кто ж его разберет этого кулака: может, он хороший кулак, благожелательный? Может, ему с детства мечталось, чтоб его ликвидировали как класс? Может, он сам себе враг, а трудящимся — первейший классовый друг?..

ГРАМЕН

„НЕЛЬЗЯ НЕ ПРИЗНАТЬСЯ“...

(Американцы о себе)

Американский иезуитский патер Эдмунд Уолги в одном из своих очередных антисоветских выступлений заявил:

„Единственно, кто переживает еще одну войну, это большевики“.

„Похоже на то, что если кризис еще протянется до лета, то единственно новым в нем будет то, что мы сможем упрекать Рузвельта вместо Гувера“.

(„Чикаго Трибюн“).

„В конгрессе начинает преобладать мнение, что самым лучшим местом для балансирования бюджета — это зад шен налогоплательщика“.

(Норфольк „Вирджиния Пайлот“).

ПРИМИТЕ И ПРОЧ

СЛУЧАЙ БЕЗ ПРОДОЛЖЕНИЯ

Американские газеты рассказывают, что в дни банковского кризиса

„миллионер Рокфеллер оказался во Флориде без единого цента в кармане“.

Удав также иногда остается без очередного кролика. Только это все же не делает из него голубя.

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ РЕМОНТ

По сообщениям берлинских газет во Франкфурте в государственном театре срочно ремонтируется императорская ложа.

После поджога рейхстага и разгрома частных квартир ремонт королевской ложи является первой попыткой фашистов перейти к мирному строительству в республиканском масштабе.

СЛОВА И СЛОГИ

В своей последней речи фашистский министр внутренних дел Германии Геринг заявил между прочим:

„Пора кончить с многословием. Население должно привыкнуть к трем словам: родина, власть, порядок“.

И этого много. Население даже и эти три слова сократило и уже пользуется всего тремя слогами:

— Ка-ра-ул!

ПЫЖИКОВ

Н О С

8 длин... 14 корот...
 На дощечке—пьеса музыкальная!
 Здесь в квартире Пыжиков живет,
 А квартира, ясно, коммунальная.
 Слева—токарь, справа—инженер,
 Окруженье чисто беспартийное...
 Нынче снова—выговор жене,
 Что ни слово—это орудийное!
 Жаждет Пыжиков скорей узнать,—
 Жметса фраза вежливо жестокая:
 — Ну, о чем сегодня вы опять
 Тараторили с женою токаря?
 Актуальность энергичных фраз
 Он усилил жестами картинными:
 — Я тебе приказывал сто раз
 Не вести беседы с беспартийными!..
 Только вышел в узкий коридор,
 Пламенея чувствами задетыми,
 Инженер вступил с ним в разговор,
 Шелестя шершавыми газетами.
 Инженер Тетерин возмущен,
 Он, краснея, искренне волнуется:
 — Посмотрите, вот заметочка еще—
 Запасные части маринуются!
 Отшатнулся Пыжиков, затем
 Посмотрел глазами малярными:
 — Извините, я подобных тем
 Избегаю в встрече с беспартийными!..
 Забежал на полминутки друг,
 Прилетел, вернее, взмолненный,
 Завертелась комнатенка вдруг,
 Звонким шумом доверху наполнена:
 — Для меня ведь комната тесна.
 Напоен я радостью великою!..
 На дворе-то, Пыжиков, весна,
 Воробьи настойчиво чирикают!
 Злее Пыжиков любого льва:
 — Расшумелся с радостью стихийною!
 Ты ж кругом, дурная голова,
 Окружен здесь массой беспартийною!..

В. ГРАНОВ

Чепуха совершенная делается на свете. Тов. Ковальчук разошелся с собственным носом. Не то, чтобы разлучился, как это было с майором Ковалевым, у которого обнаглевший нос чуть не удрал самостоятельно в Ригу.
 Нет. До этого у тов. Ковальчука дело не дошло. Социалистический реализм не разрешает нам гоголевских фантазий.
 Просто тов. Ковальчук и его собственный нос не сошлись характерами. Нос и личность конфликтовали. Нос не желал сидеть на месте, подобно сотруднику совучреждения, а непрерывно лез выше, явно стремясь в стратосферу.
 Тов. Ковальчук иногда возмущался и конфузился до глубины души, но наглый и нахальный нос задирался и задирался. Таковы бывают противоречия в нашей психике.
 Особенно возмутительно держал себя нос, когда тов. Ковальчук имел общение с людьми подведомственными и к тому же беспартийными. Тут нос лез наверх буквально, как вымпел на грот-мачту.
 Лицо делалось важным, глаза не узнавали людей незначительных, а речь еле-еле проползала в скрюченную носоглотку.
 — М-да, — мямлил Ковальчук, — м-да, я потом разберу...
 Он начинал вдруг рассуждать как бы носом.
 — Совместимо или несовместимо ходить по улицам без портфеля и вообще ходить, а не ездить?
 — Допустимо ли в моем положении сидеть на дешевых местах в кино?
 — Мыслимо ли употребление напитков в беспартийной компании?
 Когда нос не куражился, Ковальчук, будем просто его звать по имени, Гарася, рассуждал вполне здраво.
 — Безобразие, недостойные стальных рядов мысли ударяют мне в нос. Сам чувствую, что — дурак и дубина, а вот поди ж ты, находит затмение...
 Тут вскоре последовало и конкретное указание. Задиранье носа, как злой порок, было публично заклеяно каленым железом.
 Гарася заметался и решил принять срочные меры к устранению порока.
 Он обошел всех своих друзей-приятелей, но вместо дельных советов услышал общие рассуждения.
 Вузовец Чехтарев находил в поведении гарасина носа пережитки феодализма и автократии. Саша Морозов как экономист толковал о цене, о прибавочной стоимости, о падении доллара и инфляции.
 Репортер Нарывайтес уверял Гарасю, что ничего страшного нет, что было бы гораздо неприличнее ходить с опущенным носом.
 Поэт Непремирирский уцепился обеими руками за острую тему.
 — Поэма, выйдет, милок, трагедия, оперетка и сценарий для мультипликации. Не говоря уж о малых формах.
 Непремирирский смотрел при этом на гарасин нос, как на драгоценную курскую аномалию.
 К профессору Кольке Крупчатникову Ковальчук совсем не пошел. Он заранее знал, что Колька разведет с носом научную аферу.
 — А! Ностальгия! Новейшая социально-научная проблема! Необходимо срочно учредить научный институт под названием Нино!
 Неизвестно, чем бы кончились поиски Ковальчука, если бы он не натолкнулся на упрощенца и вульгаризатора Подточина.
 — Чепуха, — сразу сказал Подточин, — дай-ка мне его сюда.
 Гарася дал. А вульгаризатор сразу как закатыл щелчок прямо носу в хряпало, аж у Гараси потекли слезы!..
 — Великолепное средство! — успокоил вульгаризатор. — Буду приходить к тебе в выходные дни обедать и укрощать строптивого. Идет?
 Ковальчук согласился и, говорят, теперь чувствует себя значительно лучше.

Б. САМСОНОВ

М У Р А В Е Й

Трамвайная остановка в так называемые часы пик не представляет собой ничего привлекательного.

Не услышишь тут от граждан тонких высказываний о том, о сем, не увидишь здесь изящных жестов. Напротив, движения граждан порывисты, глаза светятся недобрым огнем, рука сама собой складывается в кулак.

И достаточно только трамваю показаться из-за угла, как ожидающие начинают пританцовывать на месте, словно нервный голкипер в воротах.

Раздаются пошлые крики о том, что впереди свободно, и все прочее, что обычно говорится в таких случаях. О, как скучно сидеть в трамвай в часы пик! Гораздо приятнее созерцать небо в часы заката.

Странные разговоры ведутся в толпе, поджидающей трамвай.

— Бернардов, это вы?

— А, здравствуйте, дружок. Давно в Москве?

— Недавно. А вы?

— Ну, я давно.

— Откуда у вас этот костюм?

— Что, нравится?

— Нравится. Сколько вы за него заплатили в переводе на золото?

— В переводе, не знаю. Купил в распределителе водников. За шестьдесят пять рублей.

— Разве вы теперь водник?

— Нет, я не водник. Я состою в горкоме писателей.

— Это, должно быть, очень интересно, романы, повести... Вы знаете, я сам немножко работаю в области литературы. Но куда мне до вас? Я все больше в стенгазете, а вы художник слова, писатель.

— Нет, я не писатель.

— Вы ж говорили, что писатель.

— Нет, я только считаюсь писателем, я обедаю в писательской столовой.

— Где же вы работаете?

— Вообще я числюсь по Энкапеусу.

— Ах, вы железнодорожник!

— Нет, я не железнодорожник, я только получаю там бесплатный проезд по железной дороге, а основная моя работа в Стройнадстрое.

— Вы строитель? Инженер? Техник? Как я вам завидую. Вы закладываете фундамент новой жизни? Вы планируете города?

— Что вы! Я только получаю там новую квартиру с газом. Больше ничего для них сделать не могу. Я очень занят. У меня массу времени отнимает автогараж.

— Ах, вы заведете гаражем?

— Нет, заведует гаражем мой знакомый. Вот я все время и трачу на то, чтобы он бесплатно перевез мою мебель в новую квартиру.

— Значит, вы не работаете по автотранспорту?

— Никким образом, я вам уже говорил. Вообще-то я ближе всего к пожарному делу.

— Вы тушите пожары?

— Нет, я только получаю там молоко.

— Молоко?

— Да, молоко. Видите ли, пожарная профессия очень вредная для здоровья, и там выдают молоко.

— Молоко?

— Ну да, молоко. Так устаешь каждый день ездить с бидонами за этим молоком в Сущевскую часть... Честное слово, буду требовать, чтоб меня перевели в центр, в Крапоткинское депо. Так устаешь...

— Устаешь?

— Ужасно устаешь от всей этой сутолоки, беготни и криков. Вы не поверите, как приятно после всего этого притти к себе, в клуб глухонемых, и поужинать.

— Вы глухонемой?.. Позвольте, какой же вы глухонемой?

— А я и не глухонемой. Я только член секции глухонемых. Это очень удобно. Во-первых, у нас, у глухонемых, чудный клуб, ужин из четырех блюд — четырнадцать копеек. Во-вторых, тихо. Вы знаете, что такое глухонемые? Прямо скажу, не ораторы. Весь вечер молчат. А?

— Да нет, я ничего.

— Ну, а где. Мой трамвай.

— Куда ж вы с передней площадки? Оштрафуют.

— Меня? Я ездю как член Моссовета.

— Ф-фу, наконец, понял. Вы член Моссовета.

— Нет, я не член Моссовета. Я только ездю как член Моссовета. Но, конечно, и это ужасно утомляет. И если бы не отдых в санатории Совнаркома, я бы совсем выбился из сил.

— Вы член правительства?

— Да, нет, я не член правительства. Я же вам объяснил, — я член горкома писателей по разряду тиганов художественной мысли с правом бесплатно лечить зубы.

— Что же вы? Мыслите?

— Пока только лечу зубы.

— Но вы все-таки писатель?

— Да ничего подобного. Полчаса вам объясняю, а вы не можете понять. До свидания!

И трамвай умчался в серо-голубую весеннюю даль.

Ох, уж эти трамваи!..

И. ИЛЬФ и Е. ПЕТРОВ

В УПОЕНИИ ВЛАСТЬЮ

— Господин начальник, вот там еще три недобитых окна осталось?
— Дуран, это моя квартира!

У КАБИНЕТА ГЕРИНГА

СОЦ.-ДЕМОКРАТ: — Ну, кажется, мне удалось отстоять свои позиции.

ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

ДОРОГИЕ ПАТРОНЫ

— Как-с прикажете-с доложить-с?
Заказчик вынул из красивого бумажника японской кожи изящную визитную карточку.
Секретарь повертел ее перед глазами, ничего не понял и согнулся еще ниже.
— Пожалуйста, сэр, в приемную. Не угодно ли вам стакан содовой воды? Лимонаду? Стул? Качалку? Кресло? Диван? Лонгшез? Козетку? Или же просто на тигровой шкуре перед камином-с?
Секретарь был неглупый малый. Он хорошо знал, как нужно в наш грубый век революций, войн и кризисов обращаться с таким нежным существом, как заказчик.
— Сию минуту я доложу господину директору завода, сэр.
Едва посетитель развалился в кресле и развернул газету, как раздался новый звонок.
Секретарь ринулся в переднюю.
— Чем могу служить?
— Заказчик.
„Два заказчика в минуту! — подумал секретарь, тихо содрогаясь от восторга. — Вот это денек! Если так пойдет дальше, то наша маленькая фирма может спокойно плевать на кризис“.
Секретарь изобразил на своем лице не поддающуюся описанию нежность, переходящую в бурное обожание.
— Как-с? Прикажете-с? Доложить-с? Сэр-с?
Новый заказчик вынул ослепительный бумажник из феерической китайской кожи и протянул феноменально красивую визитную карточку.

— Пожалуйста, сэр, в приемную! — воскликнул секретарь. — Пожалуйста, в приемную, сэр! Там уже, сэр, один заказчик дожидается приема. У нас, сэр, вообще частенько бывают заказчики. Прошу покорно. Чаю? Кофе? Лимонаду? Коньяку? Кресло? Козетку? Оттоманку? Тахту? Персидский ковер? Сигару? Трубку? Кальян? Шербет? Теплую ванну с сосновым экстрактом?
Секретарь был окончательно неглупым малым.
— Сию-с! Минуту-с! Доложу-с! Сэр-с! Директору-с!
С этими словами он почтительно выполз из приемной.
— Господин директор! Сэр! Необычайнейшее происшествие! Факт, не имеющий прецедентов! Сказки Шехерезады! Тысяча и одна ночь! Феерия! Сон! Мираж!
— Вы, кажется, спятили, — сухо заметил директор. — Выпейте воды.
— Не надо воды... Факт первостепенного экономического значения... Короче... Два посетителя у нас в приемной.
— Кредиторы? — побледнел директор.
— Наоборот, запыхавшись прошептал секретарь, — заказчики.
По старой, благородной морщинистой щеке директора поползла большая теплая слеза.
— Господи... — произнес он дрожащим голосом, — ты услышал... ты послал... ты спас... А еще некоторые неблагонадежные элементы утверждают, что тебя нет.
Секретарь протянул директору две визитные карточки.
— Действительно, заказчики, — произнес он с легким удивлением. — Действительно, два хороших, выдержанных заказчика. Один японский заказчик, а другой китайский заказчик.

Оба заказывают у нас маузерные патроны. Где же они?
— В приемной.
— Надеюсь, не в одной приемной? — с удивлением спросил директор и тревожно заерзал на кресле.
— Никак-с нет, сэр, — в одной.
— Оба?
— Оба-с!
Хрипящий вопль вырвался из груди господина директора:
— Зарезал! Убил!
— Но... Сэр...
— Молчите! Мальчишка! Вы понимаете, что вы сделали? Вы посадили в одну клетку двух голодных тигров.
— Я не... совсем... сэр...
— Вы болван, сэр! — громовым голосом зарорал директор. — Надо читать газеты, сэр! Я вам дам по морде, сэр.
Директор, рыдая, забегал по кабинету.
— Он посадил в одну комнату двух воюющих между собою генералов! Они разорвут сейчас друг друга на части, и мы не будем больше иметь ни одного заказчика!
В это время в приемной с грохотом упало кресло.
— Начинается... — пролепетал директор.
В приемной с грохотом полетело второе кресло.
— Японская гиена! — послышался из-за двери визгливый китайский голос.
— Китайская собака! — зарычал в ответ японский голос.
— Я тебя сейчас стрелять буду!
— Я тебе сейчас голову оторву!..
Директор вцепился в рукав секретаря.
— Отойдите от двери... Ложитесь на пол...

Ряд ученых и деятелей искусства, преследуемый фашистским правительством, бежит из Германии.

ВЕНЕРА: — Надо и мне поскорее отсюда убираться, а то, пожалуй, и ног не унесешь!

„ПУСТЬ АРФА СЛОМАНА, — АККОРД ЕЩЕ РЫДАЕТ“...

Сейчас будет стрельба. Они вдребезги раснесут приемную... Послал бог секретаря болвана!

Директор и секретарь легли на пол и прижались к паркету.

— Бегите за полицией, — прошептал директор.

— Бегите сами, — прошептал секретарь.

В приемной щелкнули курки.

— Вытащили маузеры... — прошептал директор.

— Начинается! — шопотом заплакал секретарь.

В приемной воцарилась гробовая тишина и раздался ледяной японский голос:

— Молись, китаеза!

— Молись, японская... г. гейша!

— Что ж ты не молишься?

— А ты чего не молишься?

— Эх ты, обезьяна, патронов на тебя жалко тратить, а то бы я давно прострелил твой дурацкий лоб.

— Сам осел.

— От такового слышу.

— Может быть, мне тоже, гадина, на тебя жалко патронов тратить.

— Еще бы не жал! Небось, каждый патрон денег стоит.

— А что ж ты думаешь, они у нас даром, на деревьях растут? Н-да-с. Нынче патроны кусаются.

— Между прочим, извините за нескромный вопрос, почем за патрончики платите?

— По двадцать центов штука. А вы?

— Мы тоже по двадцать.

— Ужасная дороговизна!

— Уж и не говорите!..

— Прямо не знаю, что и делать, хоть совсем не войю. Одно разорение, верите ли.

— Золотые слова.

— Простите за нескромный вопрос: где то вар берете?

— Да здесь и беру. А вы?

— Представьте, и я здесь.

— Черпаем, так сказать, из одного источника, хе-хе.

— Прямо грабеж среди бела дня!

— Золотые слова. Форменный грабеж.

— И не говорите!

— Что ж вы стоите. Прошу вас, садитесь.

— Да и вы тоже... стоите... почему-то...

— Простите, не имею чести...

— Генерал Бей Ву-хо. А вы-с?

— Генерал Ки Ки-мора.

— Так вы говорите, двадцать центов за штуку?

— Двадцать.

— Вот и войю, хе-хе.

— Послушайте, как вы думаете, а что если, так сказать, в организованном порядке...

— Представьте себе, у меня такая же мысль...

— А вы придвигайтесь к столу...

— А вы пистолетик... того...

— Пистолетик мы спрячем... Зачем же нам пистолетик... Мы сейчас, хе-хе, вместо пистолетика лучше автоматическую ручку... У вас случайно листика бумажки не найдется?

— Листика бумажки? Всегда! Извольте-с.

В приемной снова наступила тишина, нарушаемая изредка шопотом.

— Экие ведь разбойники... Да ведь этак скоро и воевать порядочным людям невозможно будет.

— Пишите, пишите...

— Джон, — прошептал директор, — там что-то творится странное, пойдите узнайте...

Секретарь осторожно пробрался в приемную и через минуту вернулся обратно бледный,

дрожащий, покрытый холодным потом. Его глаза остеклятели.

— Перегрызли друг другу горло? — шопотом спросил директор.

— Хуже.

— Задушили друг друга?

— Хуже.

— Сделали друг другу харакири?

— Хуже.

— Н... не понимаю.

— Они... — пролепетал секретарь... — они... вместе... пижут ультиматум... с требованием... снизить цены... на... маузерные... патроны...

* * *

Вы думаете, что это плод больной фантазии? Ничего подобного.

„Оба противника в дальневосточном конфликте снабжаются одними и теми же фабрикантами оружия.“

В связи с этим заслуживает быть отмеченным любопытный случай, сообщенный в парламенте депутатом лейбористской партии Мортаном Джонсом. Некая фабрика занята выработкой маузерных патронов для Японии и для Китая.

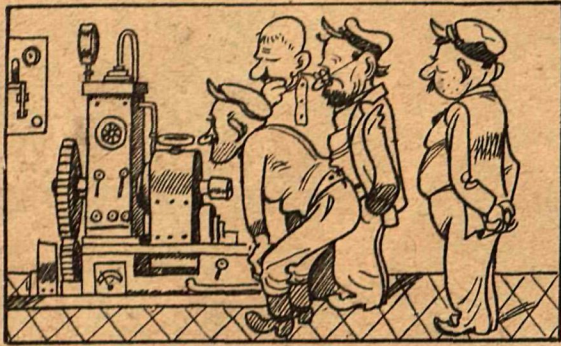
Представители обеих заказчиков случайно оказались на этой фабрике в одну и то же время, и их по недоразумению посадили в одну и ту же приемную. Там они начали беседовать между собой о дороговизне вышеозначенных патронов и в результате согласились послать фирме совместный ультиматум с требованием снизить цены.“

(„Известия“, 10 марта 1933 г.).

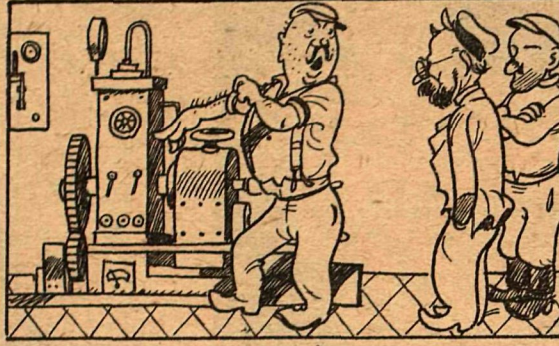
Империалисты — хорошие хозяйственники. Уж убивать рабочих и крестьян, то по крайней мере по дешевке!

Рис. Ю. Гаффа

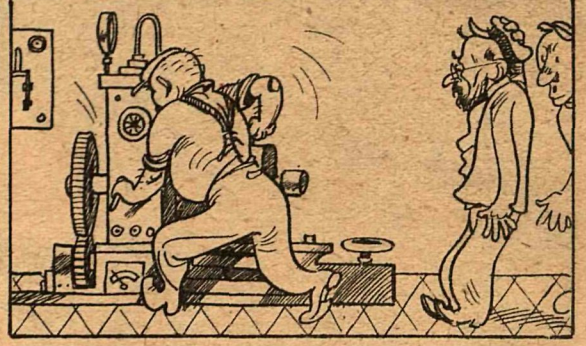
Текст Вас. Лебедева-Кумача

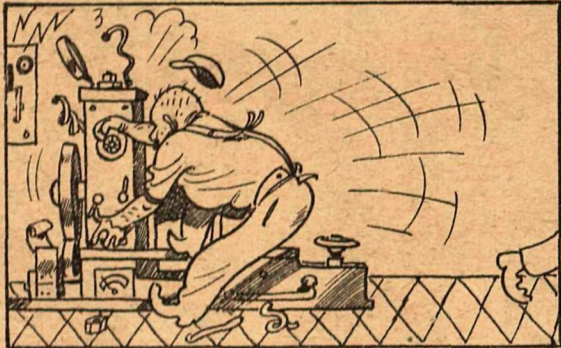
1) Смотрел деловито народ фабричный на умный и сложный станок заграничный. И кто-то заметил:
— К этой штуке никак, брат, нельзя подходить без науки! Это не то, что станочек старенький, — придется теперь поработать шариком.
— Придется, ребята, заняться учебой! Возьми-ка его без учебки, попробуй!

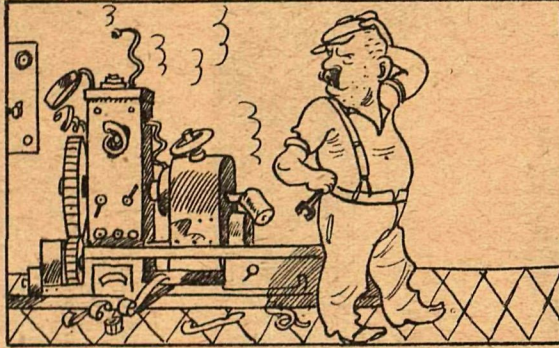
2) Тут выскочил слесарь Иван Залихватов:
— Да что вы с учебкой пристали, ребята! Другой сотню книжек проглотят до дна, а в деле не смыслит, глядишь, ни хрена!.. А я вот без всяких там курсов и книг любую машину налажу вам вмиг! Тут нечего долго варить голову! Глядите! Учитесь, пока я живой!

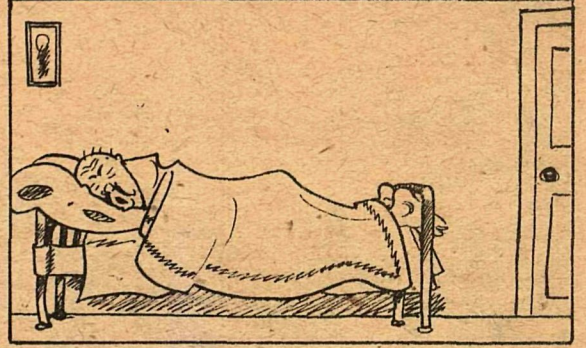
3) Машина урчит и ворчит и грохочет. Машина упорно работать не хочет. Иван Залихватов быстрее волчка потеет, развязно вертась у станка.
— Стой, дьявол! Тут, видно, испорчено что-то! Но мы тебя, чорта, заставим работать! А ну-ка, нажмем эту кнопку, вот так! А ну-ка, надавим на этот рычаг!

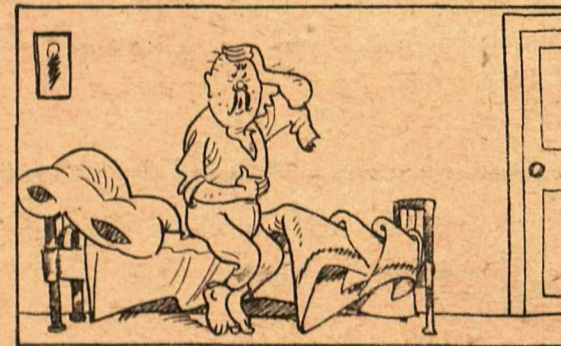
4) Машину рвануло. И вдруг залетали по воздуху части, болты и детали. Рассыпались веером искры вокруг... В глазах Залихватова — дикий испуг. Станок он ругает в печонку и в душу. Но взрывы сильнее и звуки все глуше. Последний удар раздастся, как гром. Станок обратился в дымящийся лом...

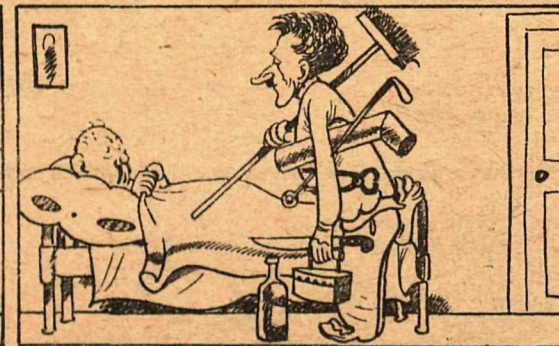
5) Напавливи гордо упавшую кепку, герой наш ругнулся солидно и крепко:
— Станок — баракло! Им бы только продать! Продукция дрянь, — это сразу видать! Уж ежели Я не наладил его, так значит не стоит станок ничего! Пусть едет на свалку дорогой пряной!
И сплюнув, пошел Залихватов домой.

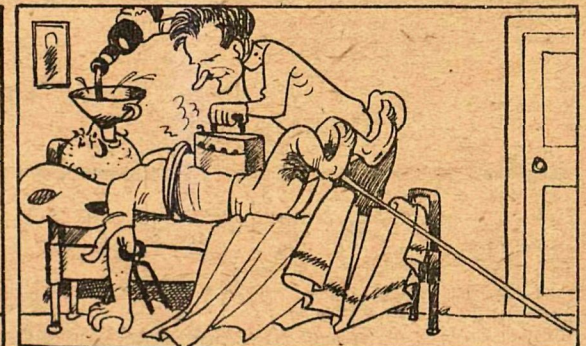
6) Хлебнув с огорченья литровку одну, Иван Залихватов отходит ко сну. И даже во сне, беспощаден и строг, он мысленно кроет погибший станок... Храпит он спокойно и сладко. Но вот... внезапно схваткой схватило живот!

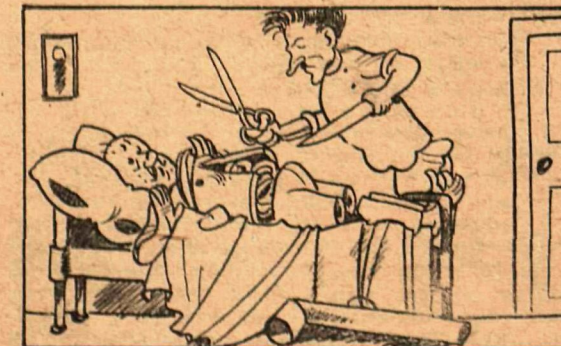
7) Дышать тяжело, голова горяча... Что делать? Позвать поскорее врача! Иван Залихватов поднялся, но вдруг послышался в дверь неожиданный стук. И голос знакомый спросил осторожно:
— Скажи, Залихватов, войти к тебе можно?

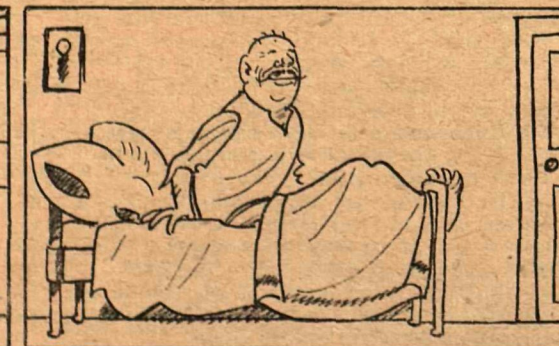
8) И входит сосед Чебутькин, портной.
— Я слышу, Иван, ты сегодня больной? С болезнью твоей я покончу в момент! Гляди, захватил я весь свой инструмент.
— Да ты же портной, а мне надо врача!
Портной Чебутькин ответил:
— Для ча?.. Врачи сотни книжек проглотят до дна, а в деле не смыслит, глядишь, ни хрена!

9) А я вот без всяких там курсов и книг, как есть, все болезни до точки постиг!
И тут же, под ноги подставивши щетку, он сунул воронку в иванову глотку. И возле постели запрыгав волчком, горячим утюгом живот утюгом. Ивану неловко и жарко и больно. Иван хочет крикнуть:
— Не надо! Довольно!

10) Но руки портного на редкость легки. И мигом изрезан Иван на куски. Он больше не стонет, он больше не дышит и только неясно откуда-то слышит:
— Придется его в крематорий отдать! Здоровьице дрянь, — это сразу видать! Уж ежели Я не поправил его, так значит его не спасет ничего!..

11) Проснулся Иван весь в холодном поту и щупает ноги — то эту, то ту. Все члены на месте.
— Скажите на милость, какая ужасная штука приключилась! Ведь чуть не остался без рук и без ног!
И вспомнил Иван про вчерашний станок. И тихо с постели поднялся, ворча:
— Вчера я тово... поспешил сгоряча.

12) Пока починили станок, Залихватов смущался и кашлял в ладонь виновато. А дома науку запоет глотал: сидел, занимался, чертил и читал.
И через полгода сказал осторожно:
— Теперь я вправду попробую... Можно?

У ЛЮДОЕДОВ

На скользкой верхушке кокосовой пальмы сидела старая, худая обезьяна и пыталась тяжелым, шершавым орехом попасть в белокурую девочку, робко выглядывающую из палатки. Серый жирный удав сердито шипел в колючем кустарнике и деловито присматривался узкими глазками к женщине, раскладывавшей костер.

— Грета, иди в палатку и разбуди отца! — нервно прикрикнула женщина. — Вчера обезьяны в полчаса так забили лошадь, а ты еще маленькая, для тебя хватит и одного ореха... Наповал!

— А почему папа ходит один по лесу? Разве он крепче лошади?

— Лошадь не имеет ученых степеней, а твой папа — европейский профессор и живет в африканском лесу, чтобы изучать растения. Он должен ходить.

— А папочку сегодня не убьют людоеды из племени Нгао-Тоа?

— Сегодня нет, — вздохнула женщина, — его обещали убить послезавтра. Они убивают только по праздникам, а сегодня будни.

— А за что они хотят убить папочку?

— Не приставай! Твой папа назвал людоедского министра старым ослом и выкупал своих собак в священном ручье главного жреца. Твой папа очень неосторожный человек!

Удав в кустарнике зашипел сильнее, обезьяна ловко метила сверху кокосовый орех. Женщина испуганно толкнула дочь в палатку и схватилась за голову.

— Я так больше не могу. Я желаю назад в Европу. Куда ты меня привез? Я хочу смотреть, как мой муж спокойно работает в своем кабинете, а его будут прибывать большими гвоздями к дереву! Я культурная женщина, а на меня охотятся удавы! Довольно! Профессор Кунц, отвезите вашу семью в Европу! Или я или Африка!

— Ты, — вздохнул, просыпаясь на охалке листьев, профессор Кунц. — Вот последние газеты, которые мне уступил заезжий кинооператор. Найди расписание пароходов. Билеты достанем в порту. Уложимся сегодня.

И еще раз вздохнув, профессор Кунц стал закутывать холодную антилопу.

— Мамочка, а хорошо в Европе? — спросила маленькая Грета.

— Ты даже себе представить не можешь, дорогая, — со слезами умиления ответила профессорша, развертывая газетные листы, — ты только подумай: никаких дикарей, удавы — в клетках, обезьяны — на привязи... Представь себе тихий весенний вечер, твой папочка сидит у открытого окна в своем кабинете, читает свою любимую газету и вот...

— И вот? — жадно перебила белокурая девочка.

— Какая странная телеграмма из Берлина, — задумчиво произнесла профессорша Кунц, заглянув в газету. — «Вчера вечером группа неизвестных людей в коричневых рубашках, бросив несколько тяжелых камней в открытое окно, ворвалась в квартиру известного ученого Дринга. Наутро Дринг был найден на улице с вбитыми в живот гвоздями...»

— А людоеды что? — искренне спросила девочка. — Это те, которые из племени Нгао-Тоа, или другие?

— Там нет людоедов, — сухо ответила профессорша, — это не Африка, а Европа. И вообще — это случай.

— Неприятный, — грустно заметил профессор Кунц, отрываясь от антилопы, — особенно насчет гвоздей в животе.

— А вот, пожалуйста, — сердито заглянула профессорша в газету, — описание детских развлечений в пригороде. — «Вчера утром жители пригорода могли видеть большую группу школьников, воспользовавшихся первым весенним днем и предпринявших загородную прогулку...»

— Как это, наверно, интересно! — вздохнула девочка.

— Конечно, это тебе не африканский лес, а Европа. «Когда дети завернули на Биттерштрассе, во время стрельбы, поднятой людьми в коричневых рубашках, двое мальчиков... мальчиков... были... были убиты наповал...»

— Как, кокосовыми орехами? Наповал? — вздохнула девочка.

— Наповал! — тихо подтвердил профессор Кунц, принимаясь за бананы. — Орехи — это африканская техника. Отсталая. Там — браунинги.

Профессорша хмуро сложила газету, сунула ее под кровать и смущенно сказала:

— Не наедайся, пожалуйста, бананами. Сегодня у нас жареная кенгурятина, суп из черепахи и свежие финики. Кстати, сходи на опушку к людоедам и купи у них молока.

— Я схожу, мама. Хорошо? — задорно всохла девочка.

— Пусть сбегает, — предложил профессор, — это ж не Берлин. Кто ее обидит? Людоеды — культурные ребята, они детей не трогают.

— Иди, дорогая. Сегодня прекрасный день для прогулки. Смотри, какие хорошенькие обезьяны играют на пальме с орехами.

— А какой чудесный цвет у удава, — сказал профессор Кунц, — удивительно изящный червячок... И такой жирный... Он мне напоминает министра просвещения, которого я в прошлом году назвал старым ослом, после чего мне и пришлось выехать в африканскую командировку... Ну, я пошел складываться. Ведь мы уезжаем в Европу?

— Куда? Куда уезжаем? — уперлась руками в бока профессорша. — В Европу? Только-только спокойно устроилась, и вот извольте, из этого тихого, мирного уголка — чорт знает куда! Довольно с меня этих Европ! Я — культурная женщина, я хочу жить в Арфике!

— Принято единогласно, — мягко сказал профессор Кунц, — возражающих нет, воздержавшихся тоже нет. Пойду почитаю газетку людоедам. Надо их предупредить, — вдруг и у них заведутся национал-социалисты?...

АРК. БУХОВ

В ПРАЧЕЧНОЙ

Рис. К. Елисеева (тема В. Кулагина)

— Я вам сдал рубашку, а вы мне какую-то сетку даете!..
— А пятна-то надо было вывести!..

КОМЧВАН НАРАСПАШКУ

Классовая бдительность так изнурила коммуниста Сапельникова, что бедняга не выдержал и заснул во время политбоя в колхозном клубе Покровского сельсовета (Лосевский район, ЦЧО). Колхозники весело усмехнулись. А один беспартийный нахал до того обнаглел, что решил разбудить его и легонько хлопнул тетрадью.

Коммунист Сапельников осерчал. Неслыханная дерзость распоясавшейся бражки явно была рассчитана на подрыв его авторитета. Незыблемая мощь этого авторитета была, однако, восстановлена тут же, в клубе, после занятия. Сапельников развернулся и изо всей силы ударил кулаком дерзкого колхозника.

Сапельников слишком вольно обращается со своими кулаками. Уж не забыли ли его раскулачить?

УГОЛОВНАЯ МАТЕМАТИКА

К сведению интересующихся статистикой

В Архаринском лесопромхозе (Амурская область) так распределены продукты за 20 дней:

Выдано муки:
250 лесорубам 5,791 кило
Аппарату промхоза 12,645 " "
кооперации 13,315 "

Выдано мяса:
Рабочим 362 кило
Аппарату 840 " "
Аппарату кооперации 480 "

Выдано сахару:
Рабочим 181 кило
Аппарату 421 " "
Аппарату кооперации 228 "

Комментариев к этой уголовной математике мы не делаем. Их должен сделать хабаровский прокурор.

ВЕСЕННИЙ ЗВОН...

Весна... Выставляется первая рама. Над полями клубится пар. Птички щебечут... Колхозник, торжествуя...

Впрочем, эта лирика в данном случае неуместна.

Во-первых, в зерносовхозе «Гигант» (Сев. Кавказ) ни одна рама (парниковая) не выставляется; во-вторых, пар или, вернее, дым стоит клубами, но в дирекции совхоза; в-третьих, щебечут не птички, а ораторы на тридцатичасовых заселениях по поводу сева; в-четвертых, никто не торжествует, ибо торжествовать-то не от чего. В совхозе, кроме плана заседания, нет ни одного плана весенних работ.

Пора бы крупнейшему совхозу прекратить этот «весенний звон» и взяться за весенний сев.

О ХОРОШЕМ ОТНОШЕНИИ К ЛОШАДАМ

Колхоз «Новый господарь» морит лошадей голодом. Из 90-70 превращены в слабосильных.

Посетивший колхоз инспектор РКИ обнаружил на складах достаточно количество доброначественного корма.

Интересно, для кого правление припрятывало корма? Уж не для себя ли?

О ПУСТОТЕ, КОТОРАЯ НЕ ПРОЗРАЧНА

Есть люди, о которых еще Гоголь сказал: «Легкость в мыслях прямо необъяснимая».

Артемовский комбанк прислал Цеккомбанку отчет по израсходованию средств на жилищное строительство. Хотя отчет и был составлен по надлежащей форме, но ни в одной графе его не было проставлено ни одной цифры.

Засим следовало подписать, печать и крайне оригинальное примечание:

Сведения ориентировочные.

Не ориентировочно, а точно можно установить, что самым пустым местом в этой таблице является все-таки подпись.

ЧУДО ВОЛОКИТЫ

Хорошее отношение к работе иногда определяется обычным канцелярским отношением.

Перед нами — чудо волокиты, непревзойденный экспонат бюрократизма: отношение заведующего 5-й врачебной амбулаторией Верхнеудинска зубному врачу 7-го участка ст. Иннокентьевск, от 23 июля 1926 года. Амбулатория просит срочно подготовить подлости рта для шести рабочих депю.

Прошло семь лет. И что же? Отношение благополучно вернулось обратно с исчерпывающей резолюцией:

«Возвращается как ошибочно записано. ЧЕРНЯК».

Как видите, Черняку понадобилось семь лет, чтобы начертать четыре слова.

Ну что ж, пожелаем ему, чтобы он был так же словоохотлив и в своей домашней жизни!

ПРИШЛИ ОТДАТЬ ПОСЛЕДНИЙ ДОЛГ

ИЛИ — ИЛИ

В посудных магазинах целые полки с гномами, сиренами, рыбачками и зелеными женщинами, под которыми подписано: „Ирис“. В городе распушен слух, что это украшения. Смотрел, как их покупают.

Приходит женщина, говорит:

— Мне бы слона побольше.

Показывают слона, хобот вверх.

Смотрит внимательно.

— У него клык плохой.

— Извиняюсь, больше слонов нет, пришлют на будущей неделе.

Женщина вздыхает и говорит:

— Ну, тогда я Пушкина возьму!

**ВОКРУГ ИСКУССТВА
ПОЧЕМУ?**

- Вы были в кино?
- Да, но я не помню, что там показывали.
- Почему?
- Я не злопамятен.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

- Подлежит ли самокритике творческий киноработник?
- Неизвестно. У Союзкино этот вопрос еще только прорабатывается!

НА ПРЕМЬЕРЕ

Публика:— Автор! Автор!
Режиссер:— Извините, товарищи, от автора ничего не осталось.

СМЕШЕНИЕ ЦВЕТОВ

Композитор Белый. Сюжет архикрасный. А в результате что-то розовенькое.

Л. М.

НАЖДОМУ — СВОЕ

Сназали критику, что нету ничего
В его работах своего.

В негодовании красивом

Нам критик дал ответ прямой:

— Как? А курсив?! Курсив ведь — мой!

Есть много пишущих... курсивом.

ЭМИЛЬ КРОТКИЙ

Оформление Л. Бродяги. Журнал набран и отпечатан по 2-й тип. изд. ЦК ВКП (б) „Правда“. Фотомашинок — П. Мясков. Редакция под руководством Г. Жигаркина и В. Крылова. Мастак А. Федосеев. Зав. печат. отд. — Д. Егоров и А. Давыдов.

КРОКОДИЛ № 10